

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1990 г.

Н. С. ТРУБЕЦКОЙ

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ *

IV

В связи с западнославянскими литературными языками следует рассмотреть и современный украинский литературный язык. Дело в том, что, хотя народный украинский язык является ближайшим родичем народного языка великорусского, тем не менее украинский литературный язык примкнул не к русско-церковнославянской, а к польской, т. е. западнославянской литературно-языковой традиции. Обстоятельство это заслуживает специального рассмотрения и освещения.

Прежде всего возникает вопрос, как относятся друг к другу украинское (малорусское) и великорусское наречия: являются ли они самостоятельными языками или только диалектами одного языка? Как это ни странно, но ответить на этот вопрос одними средствами языковедения невозможно. Вопрос о том, являются ли два близкородственных наречия диалектами одного языка или двумя самостоятельными языками, сводится к тому, насколько существующие между данными наречиями словарные, грамматические и звуковые различия фактически затрудняют языковое общение и взаимное понимание представителей того и другого наречия. А для решения этого вопроса никаких общих объективных норм не существует. Все зависит от степени чуткости данного народа к языковым различиям, а эта чуткость у всех народов различна. В частности, относительно русских племен следует отметить, что там, где малороссы и великороссы живут друг с другом бок о бок (в областях недавно колонизованных и на этнографической границе между обоими племенами, напр., в некоторых частях Воронежской и Курской губ.), они без труда понимают друг друга, причем каждый говорит на своем родном говоре, почти не приспособляясь к говору собеседника. Правда, в этих случаях встреча происходит обычно между представителями южновеликорусских говоров — с одной, и северномалорусских или восточноукраинских говоров — с другой: если бы встреча произошла между архангельским помором и угоруссом или буковинским гуцулом, то взаимное понимание, надо полагать, оказалось бы более затрудненным. Но на это можно возразить, что саксонцы и тирольцы тоже почти не понимают друг друга, когда говорят на своих родных говорах, а миланцы и сицилианцы просто-таки совсем друг друга не понимают.

Таким образом, различия между основными русскими («восточнославянскими») наречиями, — великорусским, белорусским и малорусским, —

* Окончание. Начало см. ВЯ, 1990, № 2.

не настолько глубоки, чтобы затруднять взаимное общение представителей этих наречий. Что касается до давности этих различий, то она тоже сравнительно незначительна. Звуковые особенности, отделяющие друг от друга три основных русские наречия, не древнее середины XII в.¹¹; словарные различия, — каковые особенно важны, ибо более всего затрудняют взаимное общение, — возникли преимущественно в эпоху польского владычества над западной Русью и сводятся, главным образом, к наличию в малорусском и белорусском народных языках огромного количества полонизмов (т. е. слов и выражений, либо прямо заимствованных из польского, либо созданных по образцу польских), чуждых великорусским народным говорам¹². Таким образом, ни о глубине, ни о древности различий между тремя основными русскими (восточнославянскими) наречиями говорить не приходится.

Но, даже если бы различия между великорусским и малорусским наречиями были гораздо глубже и древнее, чем они есть на самом деле, из этого отнюдь еще не следовало бы, чтобы украинцам необходимо было создать себе особый литературный язык, отличный от русского. Надо вообще предостеречь от довольно распространенного предрассудка, будто существование сильных различий между двумя наречиями неминуемо влечет за собой (или должно повлечь за собой) и создание для каждого такого наречия особого литературного языка. Живые языки современной Европы самым решительным образом противоречат этому мнению. Каждый из больших литературных языков Европы (французский, итальянский, английский, немецкий) господствует на территории лингвистически гораздо менее однородной, чем территория русских племен. Различия между нижненемецким (Plattdeutsch) и верхненемецким (Oberdeutsch) или различия между народными говорами северной Франции и говорами Прованса не только сильнее, но и значительно древнее различий между малорусским, белорусским и великорусским. Мы видели выше, что различия между этими основными русскими наречиями не древнее XII в.; между тем, нижненемецкий и верхненемецкий выступают как два самостоятельных и внутренне уже дифференцированных языка с самого начала средневековой немецкой письменности¹³, а различие между собственно французским и провансальским языками восходит к самому началу романизации Галлии¹⁴.

Таким образом, никакой *необходимости* создавать особый специально-украинский литературный язык не было. Все восточные славяне (великорусы, малороссы и белорусы) прекрасно могли обойтись одним литературным языком, тем более, что в создании этого общерусского литературного языка, как мы видели выше, принимали участие представители всех основных восточнославянских наречий. Далее мы видели, что некогда существ-

¹¹ Об этих звуковых изменениях, приведших к распаденню общерусского языкового единства, см. нашу статью (на немецком языке) в Zeitschrift für slavische Philologie, 1924, I, особенно стр. 292 и сл.

¹² За вычетом этих полонизмов словарное различие между малорусским и южно-великорусским народным языком оказалось бы не большим, чем различие между рязанским и вологодским. Следует особенно, принять во внимание, что в южновеликорусских говорах есть очень много слов, не вошедших в русский литературный язык, но существующих в малорусском (*хата*, *девчина* и т. д.).

¹³ Древнейшие памятники нижненемецкого языка восходят к началу IX, а древнейшие памятники верхненемецкого — к середине VIII в.

¹⁴ Сказанное о крупных литературных языках Европы применимо и к менее крупным. Так, напр., население Голландии говорит частью на нижефранковском наречии немецкого языка, частью на языке фризском (ближайшем родиче англосаксонского), литературный же голландский язык для всей Голландии — один.

вовал особый специальнозападнорусский литературный язык и что этот язык после соединения Украины с Великорусией прекратил свое самостоятельное существование. При этом, гибель его была вызвана не каким-либо правительственным запретом, а просто его ненужностью: поэтому он не был *вытеснен* московским, а *слился* с московским.

И тем не менее, новый украинский литературный язык возник. Возник он в конце XVIII в., при этом, вне всякой связи с вымершим западнорусским литературным языком. Основателем нового украинского литературного языка считают Котляревского. Произведения этого писателя («Энеида», «Наталка-Полтавка», «Москаль-Чарльвик. Одна князю Куракину») написаны на простонародном малорусском говоре Полтавщины и по своему содержанию относятся к тому жанру поэзии, в котором намеренное применение простонародного языка вполне уместно и мотивировано самим содержанием. Стихотворения наиболее крупного украинского поэта, Тараса Шевченки, написаны большей частью в духе и в стиле малорусской народной поэзии и, следовательно, опять-таки самим своим содержанием мотивируют употребление простонародного языка. Во всех этих произведениях точно так же, как и в рассказах из народного быта хороших украинских прозаиков, язык является нарочито простонародным, т. е. как бы преднамеренно нелитературным. В этом жанре произведений писатель преднамеренно ограничивает себя сферой таких понятий и представлений, для которых в безыскусственном народном языке уже существуют готовые слова, и выбирает такую тему, которая дает ему возможность употреблять только те слова, которые действительно существуют, и притом именно в данном значении, в живой народной речи. Разумеется, такой литературный жанр требует от писателя известной стилистической сноровки. Но все же, жанр этот строго ограничен, литература, даже беллетристическая, не может исчерпываться им, и на основе его невозможно создать настоящего литературного языка, способного отвечать всем потребностям. Ведь основное назначение литературного языка как орудия высшей духовной культуры именно в том и состоит, чтобы найти средства для выражения таких понятий, представлений и оттенков мысли, которые в сознании необразованных или малообразованных народных масс не существуют и потому не нашли себе словесного выражения в простонародном языке. Таким литературным языком для большинства образованных малороссов был русский литературный язык. Это, конечно, отнюдь не исключало закономерности применения чисто простонародного малорусского языка в произведениях известного литературного жанра, в которых писатель, будучи на самом деле интеллигентом, т. е. человеком с расширенным по сравнению с простолюдином кругозором и с установкой на высшую уместную культуру, намеренно становится на точку зрения простолюдина: к этому жанру относятся подражания народной поэзии, рассказы из народного быта с намеренно подчеркнутым местноэтнографическим колоритом и народные книжки, популяризирующие известные научные, технические сведения или известные религиозные, политические и философские учения. Но известная часть украинской интеллигенции захотела большего, именно, захотела создать на основе малорусского наречия настоящий литературный язык, применимый не только в вышеупомянутом литературном жанре, но и во всех других, и способный стать органом устной культуры для всей украинской интеллигенции. По существу, в этом стремлении ничего противоположного не было. Следовало только при достижении поставленной цели держаться естественного пути и исходить из реальных данных. Реально существовал русский литературный язык, создавшийся,

как мы видели выше, путем органического и естественного исторического процесса постепенного обрусения церковнославянского языка. Этот русский литературный язык естественным путем стал языком образованных украинцев, но, благодаря известным условиям своей истории, он представлял из себя соединение церковнославянского элемента не с малорусским, а с средневеликорусским элементом, и в отношении фонетики и грамматики, а отчасти и словаря, был определенно средне-великорусским. Естественный путь к созданию литературного языка на малорусской основе состоял бы именно в замене средневеликорусской стихии русского литературного языка стихией малорусской: церковнославянскую же стихию русского литературного языка при этом, конечно, не было никакой необходимости устранять, ибо, как это мы постараемся показать ниже, наличие этой стихии именно и составляет главное преимущество русского литературного языка, преимущество, отказ от которого был бы равносильен добровольному самооскоплению. Этот отказ от церковнославянского преемства был бы и изменой всему прошлому Украины, т. е. введению церковнославянского языка в России и сохранение чистоты русско-церковнославянской традиции теснейшим образом связано именно с Украиной. Еще в домонгольский период именно Киев более всего заботился о чистоте церковнославянского языка, так что киевские церковнославянские рукописи этого периода опознаются именно по нарочитой правильности церковнославянской орфографии; и именно Киев служил в это время образцом церковнославянского произношения для всей Руси, задавая в этом отношении тон всем другим областям,— как о том свидетельствует усвоение специфически южнорусского произношения согласной *з* в богослужебных текстах по всей Руси. А позднее, в эпоху польского владычества и борьбы с унией, тот же Киев явился очагом не только охранения церковнославянской традиции, но и первой систематической нормализации церковнославянского языка русской редакцией: до Ломоносова все грамотные русские (и даже нерусские православные славяне) учились церковнославянскому языку по грамматике украинского ученого Мелетия Смотрицкого¹⁵. Расширение сферы применения церковнославянского языка и распространение этого языка на чисто светскую литературу, опять-таки, именно в Киеве раньше и ярче всего проявилось. Украинским бурсакам и ученым принадлежат первые попытки писать рифмованные стихи (вирши) на церковнославянском языке,— и именно от этих вирш в XVII л в начале XVIII в. ведет свою родословную вся русская поэзия (разумеется, не простонародная). Точно также и риторика XVIII в. с ее славянизмами генетически восходит к красноречию именно украинских ученых риторов и проповедников, а не к «вяканью» великорусских краснобаев. Русская драма и комедия восходят тоже к украинским школьным интермедиям на церковнославянском языке. Словом, вся традиция и формы использования церковнославянского языка для светской литературы идут из Украины. Русскую литературу послепетровского периода приходится рас-

¹⁶ Эта приверженность к церковнославянскому языку стоит в связи с некоторыми чертами народного характера южнорусов. Южнорусские писатели издревле отличаются особым выпяренным риторическим пафосом, несвойственным северорусам; этот пафос находим и у древних проповедников-южан (Илариона, Кирилла Туровского — особенно по сравнению с новгородцами Лукой Жидятой и Иаковом-Иоанном), и у южнорусского паломника Даниила (в отличие от новгородского паломника Антония), он же отличает южнорусскую летопись от сухо деловой новгородской; в новой литературе представителем того же специфически украинского пафоса является Гоголь. Естественно, что церковнославянская традиция находила в этом свойстве украинского литературного вкуса и дарования благоприятную почву.

смагивать как продолжение церковнославянской литературы Западной Руси (главным образом, Украины) XVII в.: с специфически великорусской, московской литературой допетровской Руси у русской литературы XVIII в. никакой связи нет¹⁶. Таким образом, в своем церковнославянском элементе русский литературный язык принадлежит украинцам даже больше, чем великорусам, и естественный путь для создания нового украинского литературного языка должен был бы заключаться в примыкании к уже существующему русскому литературному языку, в тщательном сохранении церковнославянской стихии этого языка одновременно с заменой его средневеликорусской стихии малорусской. Однако тот украинско-литературный язык, который получился бы при следовании по этому естественному пути, разумеется, оказался бы очень похожим на русский: ведь слова церковнославянского происхождения в русском литературном языке составляют чуть ли не половину всего словарного запаса, а многие из средневеликорусских слов, вошедших в этот язык, отличаются от соответствующих малорусских лишь очень мало. Это близкое сходство естественно созданного украинского литературного языка с русским само по себе было бы тоже совершенно естественно, ибо ведь и соответствующие народные языки, великорусский и малорусский, близкородственны и похожи друг на друга. Но те украинские интеллигенты, которые ратовали за создание самостоятельного украинского литературного языка, именно этого естественного сходства с русским литературным языком и не желали. Поэтому они отказались от единственного естественного пути к созданию своего литературного языка, всецело порвали не только с русской, но и с церковнославянской литературно-языковой традицией и решили создавать литературный язык исключительно на основе народного говора, при этом так, чтобы этот язык как можно менее походил на русский. Как и следовало ожидать, это предприятие в таком виде оказалось неосуществимым: словарь народного языка был недостаточен для выражения всех оттенков мысли, необходимых для языка литературного, а синтаксический строй народной речи слишком неуклюж для того, чтобы удовлетворить хотя бы элементарным требованиям литературной стилистики. По необходимости приходилось примкнуть к какой-нибудь уже существующей и хорошо отделанной литературно-языковой традиции. А т. к. к русской литературно-языковой традиции примыкать ни за что не хотели, то оставалось только примкнуть к традиции польского литературного языка. И действительно, современный украинский литературный язык, поскольку он употребляется вне того народнического литературного жанра, о котором говорилось выше, настолько переполнен полонизмами, что производит впечатление просто польского языка, слегка слобренного малорусским элементом и втиснутого в малорусский грамматический строй. Благодаря этому особому направлению в создании и развитии украинского литературного языка — направлению, не только противоестественному, но и противоречащему основной тенденции истории Украины, состоявшей

je Такие же соотношения наблюдаются и в других сторонах духовной культуры, в частности, в музыке и в живописи. Русская портретная живопись XVIII в. не имеет ничего общего с великорусской иконописью допетровского периода, но генетически связана с украинской иконописью XVII в. и т. д. «Украинизация» великорусской духовной культуры началась еще при Алексее Михайловиче (вспомним роль киевлян в реформе Никона!) и явилась мостом к европеизации. Обстоятельство это чрезвычайно важное, ибо без этого моста украинизации европеизм вряд ли мог бы привиться на русской почве.

всегда в обороне и борьбе против ополячения¹⁷ — современный украинский литературный язык должен быть отнесен к литературным языкам западнославянской (чешско-польской) традиции.

V

Таким образом, рассмотрение всех современных славянских литературных языков привело нас к выводу, что кроме языков сербохорватского и словенского, совершенно выпавших из всякой связи с литературно-языковыми традициями, современные славянские литературные языки по признаку примыкания к определенной традиции распадаются на две группы — группу церковнославянской традиции (русский и болгарский литературные языки) и группу польско-чешской традиции (польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий и украинский литературные языки). Связь между литературными языками первой группы есть связь *по преемству*, связь же между литературными языками второй группы есть связь *по влиянию*. Различие это, конечно, объясняется разницей во времени возникновения источников традиции той и другой группы. Староцерковнославянский язык возник в конце эпохи праславянского единства, т. е. тогда, когда отдельные славянские наречия относились друг к другу еще как разные диалекты одного языка, а не как самостоятельные языки. Поэтому старославянский язык был в потенции еще общеславянским литературным языком. Пересадка его из Солуни в восточную Болгарию, из Болгарии — в Сербию и в Россию и живое взаимодействие всех этих его очагов были возможны именно потому, что в каждом из этих очагов он ощущался по сравнению с местным народным языком не как язык иностранной, а просто как язык литературный. И позднее, когда отдельные народные языки уже основательно разошлись, церковнославянский язык, напр., у нас в России, ощущался не как чужой, а просто как старинный, устаревший, но тем не менее свой — родной литературный язык. Напротив, основной источник западнославянской (чешско-польской) литературно-языковой традиции, язык старочешский, сложился как литературный язык уже тогда, когда отдельные славянские языки совершенно обособились друг от друга. Пересадка его, хотя бы в Польшу, была невозможна, а возможно было лишь его влияние на местный польский язык.

Между обеими группами славянских литературных языков существуют и линии связи. Влияние русского литературного языка на западнославянские вообще не особенно значительно. Если в польском языке и есть некоторое количество русских (малорусских и белорусских) слов, то слова эти не литературного, а народноязыкового происхождения (напр., *wesele, okolica, horodyszcze, hubka* и т. д.). Несколько сильнее следы русского влияния в чешском литературном языке: деятели новочешского возрождения (особенно Юнгман) охотно черпали из русского словаря отдельные слова, для восполнения пробелов, образовавшихся в чешском языке за время упадка его литературной традиции. К заимствованиям из русского словаря охотно прибегали и создатели словацкого литературного языка. Тем же искусственным способом попали в чешский (и словацкий?) литературный язык и некоторые *Ј* церковнославянские слова, — б. ч. та-

¹⁷ Мы констатируем этот факт, никого не осуждая. Было бы несправедливо приписывать вину в этом прискорбном факте уклонения украинского литературного языка от его естественного пути развития исключительно «глирым самостийникам». Вина была также и русское правительство, проявившее в данном вопросе изрядную меру безтактности и создавшее своими немудрыми репрессивными мерами благоприятную обстановку для врагов России и русского племени.

кие, которые имелись и в русском языке. — Обратное влияние западнославянской (чешско-польской) литературно-языковой традиции на русскую было гораздо сильнее. Мы уже упоминали о том, какое решающее влияние на русский литературный язык оказал переполненный полонизмами западнорусский литературный язык XVII в. Но и помимо окольного пути польский литературный язык повлиял на русский и непосредственно. Наконец, известное количество польских слов через Белоруссию и Украину проникло в разговорный язык русских горожан, а оттуда — в литературный язык. Таким образом, в русском литературном языке имеется довольно много польских слов. Тут и чисто польские слова, вроде *вензель, кий, огулом*, и характерные польские переделки немецких слов, вроде *рынок (Ring), крахмал (Krafmehl), фартук (Vartuck)*, или польские образования от немецких корней, вроде *кухня, кухарка, ратовать, рисовать, русунок, будка*, и слова общеевропейские в польском фонетическом обликах, вроде *банк, аптека, почта, пачпорт, музыка* (еще у Пушкина с ударением на *ы*), *пана*¹⁸. Иногда польское происхождение трудно угадать, но оно выдает себя, напр., ударением, напр., в *представитель* (по-русски было бы *представитель*). Особенно интересны такие тоже несомненно польские по происхождению слова, как *замок, право* (в значении / и *s*), *духовенство*, (ср. место ударения в *духовный*), *обыватель, мещане, правомочный*, и т. д.: слова эти взяты из польского, но в самом польском они представляют из себя лишь ополяченную форму соответствующих чешских слов, которые, в свою очередь, являются искусственными «кальками» немецких слов *Schloss, Recht, Geistlichkeit, Rewohner, Burger, rechtskraftig* и т. д. В таких случаях, — число которых, конечно, может быть преумножено, — мы, следовательно, имеем дело с проникновением в русский язык через польское посредство известных элементов старочешской литературно-языковой традиции, характеризующейся, как указано было выше, зависимостью от традиции немецкой и латинской⁴⁹. Таким образом, влияние западнославянской (чешско-польской) литературно-языковой традиции на русский язык не подлежит сомнению²⁰.

VI

Итак, русский язык из всех современных славянских литературных языков имеет за собой наиболее долгую и непрерывную литературно-языковую традицию. Путем непрерывного преемства он восходит к староцер-

¹⁸ Слово *пана* вовсе не является самостоятельным созданием детского языка, как это принято думать. Оно заимствовано. Старинному русскому языку оно было чуждо. В простонародный язык оно проникло только недавно из языка городских мещан, получивших его из языка более высших классов (исконно простонародны только *тятя, батюшка*). В языке же высших классов слово это имеется в двух формах: — непосредственно заимствованной из немецкого *пана* (несклоняемое!), с ударением на втором слоге, господствовавшей еще недавно в великорусском дворянстве, и в форме заимствованной через польское посредство *пана* (склоняемое!), с ударением на первом слоге, господствовавшей в западно- и южнорусском дворянстве.

¹⁹ Вопрос осложняется, тем, что некоторое количество «кальков» с романо-германских литературных языков было образовано на русской почве и совершенно независимо от западнославянского влияния и что довольно большое число немецких, французских, голландских и т. д. слов проникло в русский литературный и разговорный язык и помимо польского посредства. Приходится с досадой констатировать, что история словаря русского литературного языка до сих пор чрезвычайно мало изучена.

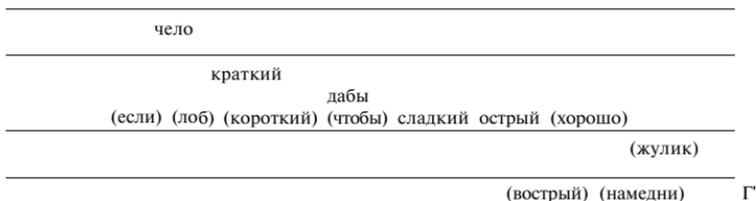
²⁰ М. б. в русском литературном языке есть и слова, заимствованные непосредственно из чешского. Таким словом, м. б., следует считать, напр., слово *набожный*, неизвестное церковнославянскому языку, из которого русский почерпнул почти всю свою религиозную терминологию. Правда, слово это из чешского языка пришло еще и в польский: но ударение на первом слоге русского слова *набожный* говорит скорее в пользу прямого заимствования из чешского, без польского посредства.

ковнославянскому, т. е. к потенциально-общеславянскому литературному языку конца эпохи праславянского единства. Эта преемственная связь с старой и продолжительной литературно-языковой традицией сообщает русскому языку целый ряд преимуществ.

Прежде всего,— преимущество чисто внешнее: однородность и устойчивость самого внешнего облика русского литературного языка. Такая устойчивость и однородность может существовать только у языков, опирающихся на продолжительную чисто литературно-языковую традицию и поэтому совершенно независимых от народных говоров. Это особенно ясно при сравнении с языками, не имеющими традиции и созданными на основе народных говоров. Так, словацкий литературный язык сначала базировался на западнословацком, потом стал базироваться на среднесловацком наречии, причем долгое время каждый писатель считал себя вправе писать на своем родном говоре, и диалектическую стабилизацию словацкого литературного языка и до сих пор нельзя еще признать окончательно законченной: то же наблюдается и в сербохорватском литературном языке, где канонизованное Вуком Караджичем довольно архаичное «йекавское» наречие борется за право «литературности» с менее архаичным «экавским»; наконец, еще в большей мере это справедливо относительно украинского литературного языка, где неустойчивость и разнородность настолько велики, что практически под общим именем украинского языка существуют несколько довольно отличных друг от друга языков,— галицийский, буковинский, карпаторусский, восточноукраинский.

Но главные преимущества русского языка, зависящие от его преемственной связи с староцерковнославянским языком, касаются не внешней, а внутренней стороны его. Благодаря органическому слиянию в русском литературном языке церковнославянской стихии с великорусской словарь русского языка необычайно богат. Богатство это заключается именно в оттенках значения слов. Целый ряд представлений допускает по-русски два словесных выражения: одно по своему происхождению церковнославянское, другое — русское. Оба словесных выражения дифференцируются в своем значении, притом либо так, что церковнославянское слово получает торжественный и поэтический обертон, отсутствующий у соответствующего русского (*ладья* : *лодка*, *перст* : *палец*, *око* : *глаз*, *уста* : *рот*, *чело* : *лоб*, *дева* : *девушка*, *дитя* : *ребенок*, *великий* : *большой*, *согбенный* : *согнутый*, *хладный* : *холодный* и т. д.), либо так, что церковнославянское слово имеет переносное и более абстрактное, а русское — более конкретное значение (*обратить* : *оборотить*, *небрежный* : *небережный*, *страна* : *сторона*, *глава* : *голова*, *оградить* : *отгородить*, *открытый* : *открытый*, *равный* : *ровный*, *краткий* : *короткий*, *чуждый* : *чуждой*, *мерзкий* : *мерзкий*, *влячить* : *волочить*, *вопросить* : *спросить*, *разница* : *розица*, *биение* : *битье*, *древесный* : *деревянный* и т. д.). Эти соотношения оттенков значения обычны: лишь очень редко наблюдается обратное соотношение, когда, напр., русское слово имеет специфический поэтический обертон, а церковнославянское ощущается как прозаическое (*шелм* : *шлем*, *плен* : *полон*, *между* : *меж*). Соотношение между церковнославянской и великорусской стихией в словаре русского литературного языка можно представить в виде словарных пластов или этажей, расположенных один под другим. Есть церковнославянские слова, не вошедшие в литературный язык в собственном смысле, напр., *аще*, *яко*, *убо*, *токмо*, *егда*, *днесь*, *глаголю*, *реку*, *вертоград* и т. д. (назовем эти слова условно «тип *аще*»). Употреблять такие слова в литературном произведении можно только при специальной сюжетной мотивировке, напр., при ведении рассказа от ли-

ца старообрядческого начетчика (как в «Запечатленном ангеле» Лескова). Далее, есть церковнославянские слова, употребление которых допустимо лишь в поэзии или в особо торжественном, напыщенном стиле, напр., такие названия частей тела, как *чело, око, уста, вежды, брада, вяя, длань, перст, чресла, чрево*, далее слова вроде *злато, млат, хлад, страж, твердь, дева* и т. д. «тип *чело*». Соответствующие им великорусские слова (*лоб, глаз, золото* и т. д.) употребляются в литературе и в разговоре без специфического оттенка вульгарности или простонародности. Далее идут слова церковнославянские, отличающиеся от соответствующих великорусских только своим переносным и абстрактным значением, напр., *короткий : равный : ровный, чуждый : чужой* и т. д. («тип *короткий*»). Следующий пласт составляют церковнославянские слова, отличающиеся от русских только почти неуловимым оттенком большей «учености» вроде *ибо (: потому что), дабы (: чтобы), середина (: середина)* и т. д. («тип *ибо*»), — слова, в сущности, просто «дублирующие» соответственные великорусские. Наконец, идут церковнославянские слова, просто совсем вошедшие в литературный язык, как книжный, так и разговорный, не имеющие при себе великорусского дублета и не связанные ни с каким специфически торжественным или абстрактным оттенком. Такие слова можно подразделять еще на несколько групп: а) вошедшие и в народный говор, напр., *сладкий, облако, платок*, б) чуждые народному языку по самому своему значению, напр., *раб, дерзкий, член*, в) такие, которые в литературном языке существуют без дублетов, но в народных говорах имеют чисто великорусские эквиваленты, не вошедшие в литературный язык, напр., *острый, пламя, бремя, польза, помощь, пещера* (ср. чисто великорусские *вострый, польмя, берема, польга, помочь, пещора*, неупотребительные в литературном языке). Что касается до слов великорусских, то их можно делить на три группы: а) одни входят в литературный язык (напр., *говорю, лоб, золото, короткий, середина, хорошо*), б) другие употребительны в разговорном языке интеллигенции, но не допускаются в литературе без специальной стилистической мотивировки (*дуралей, жулик, пройдоха*), в) третьи существуют только в народных говорах и могут быть введены в литературное произведение только при особой сюжетной мотивировке (напр., в рассказах из народного быта), напр., *вострый, тепереча, намедни, под микитки* и т. д. Графически получается следующая схема:

Примечание к схеме: — сплошные линии (АА' и ВВ') обозначают границы собственно-письменного литературного языка; пунктирные линии (ББ' и ГГ') — границы словаря разговорно-литературного языка образованных русских; ниже линии ГГ' и выше линии АА' находятся словарные элементы, допускаемые в литературный язык только при специальной сюжетной мотивировке; части словаря, ограниченные с одной стороны сплошной, с другой — пунктирной линией (т. е. отрезка АА'ББ' и ВВ')

ГГ"), заключают в себе словарный материал, допустимый в литературном языке только при определенной стилистической установке²¹.

Из факта сопряжения в словаре русского литературного языка двух основных стихий — церковнославянской и средневеликорусской — объясняются и некоторые дальнейшие особенности и особые «удобства» русского языка. Прежде всего — совершенная техника образования «новых слов». Когда надо выразить какое-нибудь понятие, для которого в языке нет точного специального слова, то поневоле приходится «сочинять» новое слово, причем это новое слово либо состоит из двух уже существующих слов (слитых или неслитых воедино), либо образовано при помощи разных суффиксов и префиксов от уже существующего слова по образцу других уже существующих. Для того, чтобы такие «новые слова» стали действительно «этикетками», обозначающими только данное понятие как таковое, необходимо, чтобы те уже существующие «старые слова», из которых (или из частей которых) эти новые слова образованы, не имели слишком ярко-конкретного значения: иначе ассоциации с этими значениями будет мешать воспринимать данное слово как простую «этикетку» данного понятия. И вот тут-то русскому литературному языку приходит на помощь его церковнославянская словарная стихия. Т. к. церковнославянские слова за редкими исключениями (вроде *сладкий*, *платок* и проч.) не ассоциируются в сознании с слишком конкретными представлениями быденной жизни, они как нельзя более подходят именно для образования «новых слов» в вышеописанном смысле. Русская научная терминология создавалась поэтому преимущественно именно из церковнославянского словарного материала. Мы говорим *млекопитающие* и при этом представляем себе определенный класс животных, имеющий целый ряд общих признаков; слово это для нас такая же «этикетка», как *рыбы* или *птицы*. Но это именно потому, что составные элементы этого слова не великорусские, а церковнославянские: если слово *млекопитающие* заменить словом *молокомкормящие*, то «этикетки» не получится, а будет определенное «высказывание» лишь об одном, а не о всех признаках данного класса животных,— и это потому, что слишком конкретно и определенно-быденно значение великорусских слов *молоком* и *кормить*. Точно так же, как *млекопитающие*, образованы, напр., такие термины и «новые слова», как *млечный путь*, *пресмыкающиеся*, *влияние* и многие другие: если бы вместо них составить слова из чисто-великорусских элементов (*молочная дорога*, *ползающие*, *вливанье*), то от ассоциаций с конкретными быденными представлениями трудно было бы отделаться и «этикетки» для соответствующих понятий не получилось бы. Вообще, научному, философскому, публицистическому, вообще «теоретическому» языку очень часто приходится стремиться к тому, чтобы обесплотить отдельные слова, потушить их слишком яркое конкретно-жизненное

²¹ Следует заметить, что линии, начертанные на этой схеме, в процессе развития языка постоянно сдвигаются. Благодаря этому слова, заключенные в отрезках АА', ББ' и ВВ', ГГ', имеют склонность к переходу в соседние рубрики. Многие из слов, которые во времена Пушкина еще могли употребляться в торжественно стихотворной речи (т. е. принадлежали к «типу *чело*»), теперь ощущаются как принадлежащие к «типу *аще*» (напр., слово *клад*) или употребляются в переносном и абстрактном смысле, т. е. перешли в «тип *краткий*» (напр., слово *страж*). С другой стороны, слово *на-медни*, являвшееся в настоящее время исключительно простонародным, еще сравнительно недавно употреблялось и «образованными» русскими в разговоре (но не в письменной литературе), т. е. принадлежало к «типу *жулик*». Другие слова «типа *жулик*», наоборот, так сказать, «повышаются в чине» и становятся допустимыми и в письменной литературе без специальной стилистической мотивировки.

значение. Гусский литературный язык уже обладает в этом отношении готовым словарным запасом церковнославянского происхождения, причем весь этот церковнославянский запас слов, корней и формальных элементов по самому месту, занимаемому им в русском языковом сознании, уже является обесплоченным, потушенным. И это — громадное преимущество.

Но церковнославянская стихия оказывает русскому литературному языку и другие услуги. Еще Ломоносов совершенно правильно указал на то, что разные комбинации церковнославянской и великорусской стилистики русского литературного языка порождают *стилистические* различия. Ломоносов различал еще только три стиля. Но на деле таких стилей, конечно, гораздо больше. Русский литературный язык очень богат разнообразнейшими стилистическими возможностями. И если приглядеться внимательнее к словарным палитрам хороших русских стилистов, то придется признать, что это богатство стилистических типов и оттенков становится возможным только благодаря сопряжению в русском литературно-языковом сознании двух стихий — церковнославянской и русской. Это сопряжение отражается не только в словарном составе, но и в синтаксическом строе отдельных стилистических типов. Выработавшиеся на переломах с греческого и по существу довольно искусственные синтаксические обороты церковнославянского языка сильно отличались от рудиментарно простых и в своей простоте мало разнообразных синтаксических оборотов чисто-великорусского разговорного языка. Но путем долгого сожительства в одном и том же языковом сознании грамотных русских людей оба эти синтаксиса применились друг к другу, и из их взаимодействия произошел целый ряд синтаксических стилей. Комбинация этих разных синтаксических типов с разными типами словарных наборов образует ту богато дифференцированную радугу стилей, которой отличается русский литературный язык.

Таким образом, сопряжение великорусской стихии с церковнославянской сделало русский литературный язык совершеннейшим орудием как теоретической мысли, так и художественного творчества. Без церковнославянской традиции русский язык вряд ли достиг бы такого совершенства²². Наблюдая современный русский литературный язык, убеждаешься в том, что преемство древней литературно-языковой традиции есть громадное преимущество. В самом деле, ведь все то, что может выразить язык без такого преемства, может быть выражено и русским языком, но, кроме того, русский язык может выразить и многое такое, чего язык без древнего литературно-языкового преемства выразить не может. Преемство церковнославянской традиции есть драгоценнейшее богатство; это богатство было потенциально дано всем православным славянам, и

²² Значение церковнославянского преемства явствует хотя бы из следующего частного факта. В русском народном языке причастия как таковые не существуют. Некоторые старые причастия с чисто русским окончанием *-чий* окаменели в виде прилагательных (*ходячий, стоячий, сидячий, лежащий, горячий, висячий, колошый, могучий, жезучий*), но они уже не сознаются как причастия, утратили способность конструироваться как глагольные формы (напр., уже не могут принимать прямого дополнения в винительном падеже) и почти утратили живую формальную связь с соответствующими глаголами (как о том свидетельствуют, напр., случаи вроде *воинчий, плакучий, дремучий, сытучий, неминучий, летучий, кипучий* с «неправильным» применением суффикса). Причастия русского литературного языка (*ходящий, колошый, могучий* и т. д.) по своему происхождению церковнославянские, и существование их в русском литературном языке зависит от церковнославянского преемства. Следует только попробовать обойтись без причастий, чтобы убедиться хотя бы на этом частном случае, как обеднел бы русский язык без преемства церковнославянской традиции.

добровольный отказ от него, наблюдаемый, напр., в сербохорватском или украинском литературном языке, есть безумие, самооскопление.

Сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка, ставит этот язык в совершенно исключительное положение. Трудно указать нечто подобное в каком-нибудь другом литературном языке. Литературные языки мусульманского мира основаны всегда на сопряжении местного, народного языка с языком арабским, иногда еще и на сопряжении этих двух языковых стихий с персидской (напр., в турецком литературном языке). Но аналогия с русским языком здесь неполная, ибо дело идет о сопряжении языков совершенно различных, не похожих друг на друга не только по словарю, но и по всему своему грамматическому строю: арабский язык — семитический, персидский (а также афганский, индийский и т. д.) язык — индоевропейский, а турецкий язык — туранский. Эти языки по всей своей природе настолько различны, что неспособны слиться друг с другом в одно органическое целое и всегда продолжают существовать, не смешиваясь друг с другом. То же следует сказать и о сопряжении японского народного языка с китайским в японском литературном языке: весь строй «корневого» китайского языка слишком отличается от строя «аглотинирующего» японского языка, и это делает невозможным их органическое слияние. Нет полной аналогии между русским литературным языком и романскими, напр., французским. Правда, во французском языке мы находим использование латинских словарных элементов, напоминающее использование церковнославянских элементов русским языком, и самое отношение французского языка, развившегося из вульгарно-латинского народного говора Галлии, к литературному латинскому языку несколько похоже на отношение великорусского языка, потомка восточно-праславянского народного говора, к языку церковнославянскому, являющемуся в начале своего возникновения общеславянским литературным языком конца праславянской эпохи. Но, все же, аналогия неполная. Во-первых, французский язык гораздо сильнее отличается от латинского, чем русский от церковнославянского. В таких французских словах, как *singe, ennemi, droit, voire, eau, haut, sauvage*, трудно уже узнать их латинские прототипы *simia, inimicus, directus, videre, aqua, altus, silvaticus*, а в отношении грамматики французский язык представляет картину, совершенно и в корне отличную от латинского. Между русским и церковнославянским различия не так велики. Фонетические различия в большинстве своем были сглажены приспособлением церковнославянского языка к русскому произношению, и те немногие различия в этой области, которые еще сохранились (напр., *нощь — ночь, вижду — вижу, злато — золото, бръѣъ — берег, млѣко — молоко, растъ — рост, ленъ — лён, осмъ — восемь*), настолько невелики, что не мешают свободному отождествлению церковнославянских слов с соответствующими русскими. В области грамматики русский язык утратил много форм, имеющих в церковнославянском (ср., напр., церковнослав. *ведохъ, веде, ведосте, ведоша, глаголаше, глаголаху, двѣ женѣ, двѣ сельѣ, жено \ рабе \ учителю \ сынови, людѣ, словесе* и т. д.), но, в общем, сохранил те же принципы грамматического строя, что и церковнославянский язык. В силу этих обстоятельств введение церковнославянских элементов в русский язык производится с гораздо большей легкостью, чем введение литературно-латинских элементов во французской. Французский язык не может так свободно дублировать чистофранцузские слова соответствующими латинскими, как это делает русский язык, напр., заменяя русские слова *золото*,

берег церковнославянскими *злато*, *брег* исключительно из стилистических соображений, для придачи речи торжественно-поэтического оттенка. Часто французский язык бывает вынужден вводить латинское слово, чтобы заполнить пробел 4Ф^мЦУ^{зскви} грамматики: так, напр., в этом языке нет средств, чтобы образовывать прилагательные от существительных, и там, где такое образование необходимо, приходится просто вводить соответствующее латинское прилагательное (напр., *aquatique*, *maritime*, *digital*, *feminin* в м. *d'eau*, *de mer*, *de doigt*, *de femme* и т. д.). Но такие слова не ассоциируются ни с какими особыми стилистическими оттенками. Вообще можно сказать, что слова, заимствованные из латинского литературного языка, сливаются с общим чисто французским словарным запасом гораздо менее органически, чем церковнославянские слова с великорусским словарным запасом²³. Таким образом, русский литературный язык в отношении использования преемства древней литературно-языковой традиции стоит, по-видимому, действительно особняком среди литературных языков земного шара²⁴.

VII

Особые свойства русского литературного языка как прямого продолжателя староправославянской традиции должны бы придать ему и соответствующее этим свойствам культурно-историческое значение. Т. к. староправославянский язык, как мы видели выше, был по своему замыслу общеславянским литературным языком конца эпохи праславянского единства и т. к. за исключением русского литературного языка ни один из славянских языков не сохранил непрерывной преемственности церковнославянской традиции, то естественно было бы русскому литературному языку стать языком культурных и деловых сношений между отдельными славянскими народами. Для этого необходимо было бы прежде всего введение обучения русскому языку в качестве обязательного предмета во все средние и технические заведения славянских стран. Однако до сих пор это было сделано только в одной Болгарии. В прочих славянских странах мы ничего подобного не наблюдаем, и даже теперь, после мировой войны, русский язык изучается в Германии и в Англии пожалуй больше, чем в получивших политическую независимость славянских государствах. На разных славянских конгрессах теперь принято, чтобы каждый оратор говорил на своем родном языке (или, в крайнем случае, по-французски!), — что, конечно, отнюдь не способствует взаимопониманию, т. к. славянские *литературные* языки отличаются друг от друга гораздо сильнее, чем соответствующие *народные* языки.

Таким образом, в силу разных политических и исторических причин русский литературный язык *в настоящее время* не может стать орудием междуславянского общения, несмотря на то, что по своей природе имел бы для этого все данные. Зато в силу других, опять-таки историко-культурных, причин русский язык фактически является и будет являться орудием

²³ Это относится, конечно, только к современному французскому языку. В более древние периоды своего существования французский язык гораздо свободнее и органичнее ассимилировал слова, заимствованные из латинского литературного языка, и некоторые такие слова остались в языке и поныне, причем ощущаются уже как чисто французские (*noble*, *siecle*, *homme*, *grave* и т. д.).

²⁴ Быть может, нечто приближающееся к русскому языку в этом отношении представляет современный бенгальский литературный язык, основанный на санскритском литературном преемстве. Пишущий эти строки практически недостаточно знаком с этим языком, чтобы высказывать по этому поводу какие-либо суждения.

культурного, политического и делового общения между народами России-Евразии. До революции русский язык был единственным официальным государственным языком для всей территории Российской Империи. При советском строе целый ряд областей России с нерусским коренным населением были признаны автономными и в некоторых из этих областей права официального государственного языка получил местный нерусский язык, причем для некоторых народов, прежде вовсе или почти совсем не имевших письменности, пришлось создавать и письменность, и новые литературные языки (на основе народных говоров). Рядом с этими местными официальными языками продолжает, однако, существовать и язык русский, являющийся и в настоящее время общим официальногосударственным языком всего СССР. Конечно, трудно предугадать, как сложится в дальнейшем история отдельных возникших при советском строе автономных областей и республик, все ли они окажутся одинаково жизнеспособными и долговечными. Но следует думать, что если не все, то большинство тех нерусских литературных языков, которые за время образования помянутых автономных областей и республик получили права официальных языков, останутся существовать и будут развиваться дальше. Таким образом, в результате революции число литературных языков в России значительно увеличится. Однако русский литературный язык от этого не утратит своего культурного и государственного значения. Не говоря уже о том, что он остается сейчас общим государственным языком всего «Союза Советских Социалистических Республик» и останется таковым и впредь, независимо от того, какие перемены произойдут со временем в государственной конструкции и строе этого «Союза», — можно с уверенностью утверждать, что он останется и языком культурного и делового общения между представителями разных народов, входящих в состав России-Евразии. Образованный зырянин будет всегда говорить с образованным грузином именно на русском литературном языке. Мало того, если литературные языки народов России-Евразии будут развиваться естественно²⁵, все они неизбежно испытают на себе сильное русское влияние. Это так же естественно, как то, что и соответствующие народно-разговорные языки подвергаются, правда, в разной степени, русскому влиянию. Те из инородческих литературных языков, которые возникли недавно и выросли главным образом за время революции, формируются преимущественно на переводах с русского и, таким образом, естественно примыкают к русской литературно-языковой традиции совершенно так же, как в свое время предок русского литературного языка — старославянский язык, формировавшийся на переводах с греческого, примкнул к литературно-языковой традиции греческой. Но даже и те из нерусских литературных языков России-Евразии, которые имеют за собой многовековое самостоятельное литературное преемство (напр., грузинский) или опираются на традицию не менее древнюю, но чужую (напр., на арабскую, как татарский), уже испытали и продолжают испытывать влияние русского литературного языка, благодаря тем же массовым переводам с русского и живому общению соответствующих интеллигентных кругов с русскими. Во всех литературных языках народов России-Евразии неминуемо появляется и еще появится масса «новых слов»,

²⁵ Под развитием «естественным» разумею развитие автоматическое без влияния посторонних (политических или иных) факторов, в противоположность неестественному или «искусственному» (регулятивному) развитию, совершающемуся под давлением определенных политических или национальных идеологий или правительственных мероприятий.

созданных по образцу соответствующих русских, масса словесных оборотов, дословно воспроизводящих русские, — не говоря уже о том, что неизбежно проникают в эти языки и прямо отдельные русские слова или иностранные слова в русской передаче. Таким образом, русский литературный язык в пределах разноязычного евразийского мира играет и будет играть роль мощного очага литературно-языковой традиции. Существует сейчас и будет существовать и впредь зона литературно-языковой радиации русского языка, подобная таковой же зоне греческого, латинского и т. д. языков. «Радиация» эта сказывается в определенной организации словарей и фразеологии литературных языков соответствующей зоны. В свое время церковнославянский язык возник в зоне радиации греческого, примкнул к греческой традиции и, будучи для своей эпохи общеславянским литературным языком, мог позднее путем преемства традиции дать начало новым славянским литературным языкам: но это преемство сохранил один только русский язык, который ныне сам становится очагом радиации для новой зоны, уже не славянской, а евразийской.

В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов и о русском алфавите.

Выше мы уже говорили, что так называемая «кириллица» возникла на основе греческого заглавного алфавита (с присоединением нескольких букв, взятых в довольно сильно измененном виде из так называемой «глаголицы»). Этот алфавит претерпел в дальнейшем довольно значительные изменения, из «устава» превратился в «полуулав», потом в «скоропись». Наконец, при Петре тот же алфавит превратился в «гражданский шрифт», путем приближения начертания букв к латинице, и этот гражданский шрифт, подвергшись еще целому ряду мелких изменений в течение XVIII и первой половины XIX в., наконец, принял тот вид, в котором он существует и поныне. Нельзя сказать, чтобы этот шрифт вполне был приспособлен к звуковому составу русского языка, к тем звукопредставлениям, которые живут в русском языковом сознании²⁶. Но все же, благодаря долговременному применению, гражданская кириллица плотно пригнала к русскому языку и вошла в систему языкового сознания грамотных русских.

Мы сказали выше, что русский литературный язык, благодаря ряду исторически сложившихся обстоятельств, стал очагом литературно-языковой радиации для целой зоны литературных языков Евразии. Обычно такая литературно-языковая радиация связана и с радиацией алфавита: так, греческий алфавит возникший сам из финикийского, в древнее время породил латинский, позднее — готский и оба церковнославянские (глаголицу и кириллицу), латинский же послужил основой для графических систем всех европейских языков. То же явление наблюдается в настоящее время и с русским алфавитом. Таким образом, для культурной роли русского алфавита важно не только то, насколько он приспособлен к русскому языку, но и то, насколько на его основе можно построить алфавиты

²⁶ Русская фонетика основана на игре двух резких противопоставлений: противопоставления ударяемых гласных безударным и противопоставления мягких согласных твердым. Из этих двух фундаментальных противопоставлений первое на письме не выражается вовсе, а второе — лишь очень неполно, а порою и прямо неточно: напр., отличие между *томный* и *темный* для языкового сознания стоит в качестве согласных (*тв.тв*), а на письме выражается качеством гласных (*о.е*). Нет в кириллице и знаков для некоторых существующих в языковом сознании звуков, напр., для / или для долгого мягкого *ж*, изображаемого то через *жж* (*возжи*), то через *жжж* (*жжет*), то через *жд* (*дождик*), причем все эти три написания двусмысленны.

для других языков Евразии. И следует признать, что в этом отношении русский алфавит представляет громадные удобства и приспособлен для такой роли гораздо больше, чем какие-либо другие алфавиты Европы, Евразии и Азии. Для того, чтобы построить новый алфавит на основе старого, приходится, во-первых, снабжать отдельные буквы подстрочными — надстрочными знаками (напр., в французском языке *e, è, ê*, в немецком — *a, b, ÿ* и т. д.), во-вторых — использовать некоторые «лишние буквы» старого алфавита, придавая им особое значение (ср., напр., латинское *u*, использованное в каждом европейском алфавите в другом значении), и, наконец, — вводить совершенно новые буквы (напр., *w*, первоначально чуждое латинскому алфавиту). Над русским алфавитом все эти манипуляции производить гораздо легче, чем над каким-либо другим. Этот алфавит почти не имеет букв, уже снабженных подстрочными или надстрочными знаками (в противоположность, напр., арабскому алфавиту, где большинство букв уже снабжены одной, двумя или тремя подстрочными или надстрочными точками); большинство русских букв не выходит за пределы строчки ни вверх, ни вниз (в противоположность, напр., латинскому алфавиту с его *t, d, b, /, p, q, h, k, I, y*). Это значительно облегчает создание новых букв путем снабжения старых надстрочными и подстрочными точками, черточками, крючками и проч. Число «лишних букв», могущих быть использованными в новом значении для нового алфавита, в русском алфавите довольно велико (*v, 8, i, ь* и т. д.), особенно если принять во внимание и буквы, существовавшие в церковной кириллице, но не вошедшие в гражданскую («*зѣло*», «*юсь*», восмеркоподобное *у*, *омега* и т. д.). Самое число букв с реальным звуковым значением настолько велико, что добавлять новые знаки или комбинированные начертания к русскому алфавиту приходится гораздо меньше, чем, напр., к латинскому, не имеющему, напр., букв для звуков *ш, ж, ч, х* и т. д. Наконец, благодаря самой истории русского гражданского шрифта, возникшего путем приспособления церковной кириллицы (представляющей из себя стилизованное видоизменение греческого алфавита) к начертаниям латиницы, — к русскому алфавиту можно по мере надобности присоединять отдельные греческие и латинские буквы, почти не нарушая общего графического стиля²⁷. Таким образом, по своей гибкости и приспособляемости к звуковой системе разнообразнейших языков русский алфавит занимает совершенно исключительное положение.

Естественно ПОЭТОМУ, ЧТО целый ряд недавно возникших нерусских литературных языков Евразии использовали для создания национального алфавита именно русский гражданский шрифт. Некоторые из этих языков по самому свойству своей фонетики допускают простое применение русского алфавита без всяких изменений (напр., мордовский язык, особенно в своем «эрьянском» наречии). Другие (напр., чувашский, черемисский, вотский, зырянский) применяют русский алфавит с видоизменениями и с добавлением новых букв. В качестве естественной основы для национальных алфавитов нерусских литературных языков Евразии русская гражданская кириллица неизбежно конкурирует с другими алфавитами. Некоторые из этих других алфавитов имеют все основания для того, чтобы уцелеть. Так, грузины имеют свой национальный алфавит, освященный более чем тысячелетней исторической традицией и прекрасно приспособленный к грузинскому языку; конечно, о замене его каким-либо дру-

²⁷ Есть еще один способ образования новых букв, именно — перевооруживание старых: в русском языке таким способом была образована в XVIII в. буква э.

гим не может быть и речи, и, мало того, этот грузинский алфавит естественно должен стать основой письменности и для мингрельского и сванского языков — ближайших, родичей грузинского²⁸.

Буддисты Евразии пользуются особыми алфавитами, восходящими к древнейуйгурскому, который в свою очередь происходит от арамейского алфавита, занесенного в Монголию несторианскими миссионерами. Эти «монгольские» алфавиты в общем очень хорошо приспособлены к передаче звуков соответствующих языков, но зато чрезвычайно неэкономны и неудобны с типографской точки зрения. У бурят с этим алфавитом конкурирует другой, созданный на основе русской гражданской кириллицы, и следует думать, что при дальнейшем развитии и интенсификации национальной письменности такой созданный на основе кириллицы национальный алфавит вытеснит из употребления алфавиты монгольско-уйгурского типа не только у бурят, но и у калмыков, а м. б., и у самих монголов.

Гораздо сложнее вопрос о национальных алфавитах некоторых мусульманских народов Евразии. До сих пор эти народы пользовались для своей письменности арабским алфавитом. Но этот последний является одним из наименее совершенных алфавитов Передней Азии, и приспособление его к передаче звуков отдельных языков (напр., кабардинского, чеченского и др.) связано с громадными трудностями. Это обстоятельство сильно тормозило развитие письменности у названных народов. Тем не менее, эти народы до сих пор упорно держались арабского алфавита. Объяснялось это религиозными соображениями и известным предубеждением мусульманских народов, готовых во всем подозревать попытки насилия над их религиозными убеждениями. Но в этом отношении мусульманский мир теперь переживает значительные изменения: отвращение ко всякому продукту немусульманской культуры, диктовавшееся сначала фанатизмом и заносчивостью победителей, а потом — инстинктом национального самосохранения поработенных, теперь постепенно исчезает и сменяется стремлением извне заимствовать средства и методы национального самоутверждения. При этих условиях неуклюжий и неудобный арабский алфавит вряд ли способен долго сохранять свое господствующее положение среди мусульман-неарабов. А из всего предыдущего явствует, что исторически наиболее естественной и технически наиболее удобной основой для национальных алфавитов мусульманских народов Евразии является гражданская кириллица. Однако это наиболее естественное решение до сих пор оказывалось неприемлемым: попытки составить национальный алфавит на основе гражданской кириллицы встречались мусульманами недоверчиво и истолковывались как покушение на национальную самобытность, как прием русификации. Поэтому за последнее время избран был другой путь, именно — составление национальных алфавитов для мусульманских народов на основе латинского шрифта. Большинству мусульман Евразии латинский алфавит совершенно незнаком: поэтому, когда им предлагают азбуку для их языка, составленную на основе латиницы, азбука эта в их сознании не ассоциируется ни с какой другой и воспринимается как совершенно особая, специально для их языка изобретенная. Это обстоятельство сообщает алфавиту, составленному на основе латиницы, преимущество перед алфавитом, основанным на кириллице, так как этот последний, ассоциируясь с русским, восприни-

²⁸ Но уже к абхазскому языку грузинский алфавит неприменим, хотя древняя культурная связь между Абхазией и Грузией подсказывала бы приспособление к этому языку именно грузинского алфавита.

мается, как видоизмененный русский алфавит: если против алфавита, основанного на кириллице, приверженцы арабского письма всегда могут выставить обвинение в том, что этот алфавит является—де средством русификации, то против алфавита, основанного на латинице, такого обвинения выставить невозможно. Поэтому мы видим, что новые алфавиты, основанные на латинице, в настоящее время вводятся в целом ряде автономных республик с мусульманским коренным населением (в Башкирской, в в Азербайджанской республиках, в Кабардинской, Балкарской, Карачаевской, Чеченской и Адыгечеркесской автономных областях). Трудно, конечно, предсказать, как дело пойдет дальше, но пока эти, основанные на латинице алфавиты как будто успешно конкурируют с арабским. Явление это, конечно, нельзя не признать уродливым. Ведь сам по себе латинский алфавит, хотя, конечно, и удобнее арабского, но все же настолько убог и неудобен, что даже большинство романо-германских народов лишь с трудом приспособили его к своим языкам (вспомним хотя бы те орфографические фокусы и ухищрения, к которым приходится прибегать английскому и французскому языкам!). Поэтому неромано-германские народы принимают для своих языков латинский алфавит только в тех случаях, когда они так или иначе вынуждены изучать один из романо-германских языков,— т. е. когда они попадают в духовную или материальную зависимость от какого-нибудь романо-германского народа (в силу аннексии, колонизации или при принятии одного из романо-германских вероисповеданий): тогда принятие латинского алфавита, несмотря на все убожество этого алфавита, является целесообразным, ибо позволяет детям в школе вместо двух алфавитов изучать один. В упомянутых выше мусульманских советских республиках и автономных областях этих условий нет налицо: слава Богу, ни одна из этих республик и областей не завоевана каким-либо романо-германским народом, так что ни в одной из них ни народным массам, ни детям в школе не приходится изучать какого-либо романо-германского языка, пользующегося латинским алфавитом. Таким образом, единственным стимулом, понуждающим евразийских мусульман принять за основу своей письменности не кириллицу, а латиницу, является суеверная боязнь русификации²⁹. Надо надеяться, что со временем обстоятельства изменятся: боязнь русификации имеет свои исторические причины, но с изменением характера русско-инородческих отношений основания этой боязни постепенно должны исчезнуть, а с ними вместе исчезнет и самая боязнь. Тогда станет психологически возможной, а следовательно, практически неизбежной замена противуестественного для евразийских мусульман латинского алфавита национальным алфавитом, основанным на гражданской кириллице,— замена, подсказываемая историей, техническими удобствами и педагогической целесообразностью. С углублением национального самопознания, которое неизбежно должно привести все народы Евразии к сознанию кровного, психологического и культурно-исторического общеевразийского братства, к сознанию этнопсихологического единства Евразии как особого мира,— гражданская кириллица перестанет быть для евразийских мусульман жупелом или символом русификаторских происков центрального

²⁹ Для некоторых мусульманских деятелей, впрочем, стимулом является еще и тот престиж, которым продолжает пользоваться все «европейское» в глазах провинциальной интеллигенции и полунинтеллигенции, знающих о европейской культуре больше понаслышке, а также ложное (навязанное общеромано-германским шовинизмом) представление об «тиштернациональности» и «общечеловечности» элементов романо-германской культуры.

правительства, а станет символом утверждения общевразийской культурно-исторической индивидуальности, в противоположность латинскому алфавиту, этому символу обезличивающего империализма романо-германской цивилизации и воинствующего общеромано-германского шовинизма, лицемерно прикрывающегося личиною «интернациональности» и «общечеловечности». Таким образом, весьма вероятно, что переход от арабского алфавита к латинскому, вызванный психологическими причинами чисто временного характера, окажется неокончательным и послужит только как бы трамплином для окончательного перехода мусульман Евразии к национальным алфавитам, построенным на основе гражданской кириллицы.

Итак, русская гражданская кириллица играет роль основы для национальных алфавитов разных нерусских литературных языков России-Евразии. В настоящее время она сослужила уже эту службу христианским или частично христианизованным народам России-Евразии (кроме христиан Закавказья, имеющих свои собственные алфавиты совсем иного происхождения), а в будущем ей предстоит, м. б., сыграть ту же роль и для некоторых нехристианских народов. Зона радиации русской гражданской кириллицы совпадет, таким образом, с зоной радиации русского литературного языка.

VIII

Русский литературный язык есть общеславянский элемент в русской культуре и представляет из себя то единственное звено, которое связывает Россию со славянством. Говорим «единственное», ибо другие связывающие звенья призрачны. «Славянский характер» или «славянская психика» — мифы. Каждый славянский народ имеет свой особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк так же мало похож на болгарина, как швед на грека. Не существует и общеславянского физического, антропологического типа. «Славянская культура» — тоже миф, ибо каждый славянский народ выработывал свою культуру отдельно, и культурные влияния одних славян на других несколько не сильнее влияния немцев, итальянцев, тюрков и греков на тех же славян. Этнографически славяне принадлежат к различным этнографическим зонам.

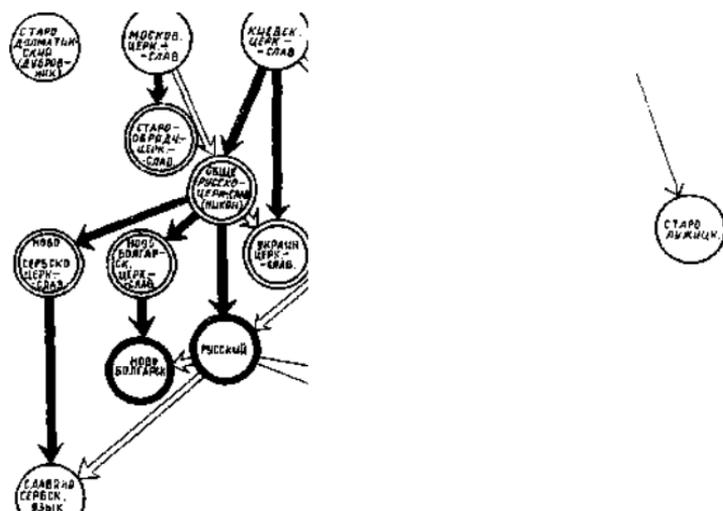
Итак, «славянство» не есть понятие этнопсихологическое, антропологическое, этнографическое или культурно-историческое, а понятие *лингвистическое*. Язык, и только язык связывает славян друг с другом³⁰. Язык является единственным звеном, соединяющим Россию со славянством. Мы видели, что по отношению к языку русское племя занимает среди славян совершенно исключительное по своему историческому значению положение. Будучи модернизированной и обрусевшей формой церковнославянского языка, русский литературный язык является единственным прямым преемником общеславянской литературно-языковой традиции, ведущей свое начало от святых Первоучителей славянских, т. е. от конца эпохи праславянского единства. Но взглядыывая пристальнее в ту роль, которую играл церковнославянский язык в образовании русского литературного языка, мы замечаем одно любопытное обстоятельство: церков-

³⁰ Можно сказать, что «славянство» является «районом однопризнаковым», причем единственным признаком районирования является язык, между тем как каждый отдельный славянский народ входит совместно со своими неславянскими соседями в разные «многопризнаковые районы» (напр., болгары -2- в балканскую этнографическую зону). Э терминах «однопризнаковый» и «многопризнаковый» район см. П. Н. Савицкий в «Эконом. ВистН.», кн. III (Берлин, 1924), стр. 242 сл.

[ЗАТСК
ЦІРК-СМВ)
ГЛАГОЛИЦ]

ТІВІ-Н
ЈАЕУ)СКОІ
Цирк-ани

/-СЛИЕНСК.
(ФРЕБЗКНГЕНН
• ГІТМ

Родословие славянских литературных языков

Тонкие стрелы обозначают направление влияния; толстые белые стрелы — направление сильного влияния; толстые черные стрелы — преемственность. Кружки, обведенные тонкой линией, обозначают мертвые языки; кружки, обведенные двумя тонкими линиями, — языки, живущие поныне, но лишь в церковно-богослужебном употреблении; кружки, обведенные толстой линией, — живые литературные языки.

нославянская литературно-языковая традиция утвердилась и развилась в России не столько потому, что была *славянской*, сколько потому, что была *церковной*. Это обстоятельство чрезвычайно характерно для русской истории. Россия-Евразия — хтрана-наследница. Волею судеб ей пришлось наследовать традиции, возникшие первоначально в иных царствах и у иных племен, и сохранять преемство этих традиций даже тогда, когда породившие их царства и племена погибали, впадали в ничтожество и теряли традиции. Так, унаследовала Россия традицию византийской культуры и хранила ее даже после гибели Византии, унаследовала Россия и традицию монгольской государственности, сохранив ее даже после впадения монголов в ничтожество, наконец, унаследовала Россия и церковнославянскую литературно-языковую традицию и хранила ее, в то время как гибли один за другим древние центры и очаги этой традиции. Но любопытно при этом, что все эти унаследованные Россией традиции только тогда становились русскими, когда сопрягались с Православием. Византийская культура с самого начала была для русских неотделима от Православия, монгольская государственность, только оправославившись, превратилась в Московскую, а церковнославянская литературно-языковая традиция только потому и могла принести плод в виде русского литературного языка, что была церковной, православной.